

Едва слова прозвучали, Му Цинфэн убрал серебряный шнурок в рукав, прыгнул на ветку дерева, а затем, оттолкнувшись, приземлился на каменной площадке.

Оказавшись на площадке, он обнаружил, что это была расселина в скале шириной метра в три-четыре, не слишком длинная, в глубину всего десяток с небольшим метров.

Он положил Гу Шаобая на землю, накрыл его своей верхней одеждой и сказал:

— Давай здесь передохнём, а с рассветом двинемся в путь. Слишком темно, не знаю, насколько глубока эта пропасть; не хотелось бы разбиться насмерть.

Гу Шаобай хмыкнул и перевернулся на бок.

Му Цинфэн сел с краю, прикрывая его от ветра, проникающего в расселину, затем, подумав, приподнял голову Гу Шаобая и положил её себе на колени.

Через тонкую ткань одежды он явственно ощущал жар, исходящий от всего его тела.

— Спустившись с горы, найдём врача. Твоя простуда становится всё серьёзнее!

Заснул ли Гу Шаобай, неизвестно, но он не издал ни звука.

Через некоторое время сознание Му Цинфэна тоже начало затуманиваться, и перед тем как погрузиться в сон, он почувствовал, что его нога стала влажной, словно что-то промочило штаны.

В полудрёме ему даже почудилось, что тот заплакал.

Он проспал до самого рассвета.

Му Цинфэн потер глаза и увидел, что Гу Шаобай всё крепко спит, на лбу у него выступил холодный пот, лицо было горячим и красным, дыхание тяжёлым, но руки ледяные, словно зимний лёд.

Он тихо позвал его пару раз. Гу Шаобай, словно котёнок, слабо застонал, приподнял веки, посмотрел на него, но взгляд был пустым и расфокусированным, затем он снова закрыл глаза и пробормотал, словно в бреду:

— А-Фэн... Не дразнь меня... Мне плохо...

Му Цинфэн замер, зная, что это бред из-за температуры, но почему это «А-Фэн» звучало так знакомо, словно он слышал его раньше, словно оно было выжжено в его костях, словно его так и должны были называть!

Но в этом мире, кроме императора, никто так ласково его не звал, даже покойные родители называли его лишь «Фэн-эр».

Император звал его так, чтобы показать близость, но это «А-Фэн» от Гу Шаобая, хоть и было произнесено в беспамятстве, звучало с тремя долями нежности и семью — детской непосредственности, больше похоже на обращение между влюблёнными!

Му Цинфэн смотрел на него, чувствуя себя растерянным, не зная, радоваться ему или печалиться.

Спустя какое-то время он усмехнулся, подумав, что Гу Шаобай, вероятно, принял его за кого-то другого. С тех пор как он познакомился с Гу Шаобаем, он всегда ощущал в нём какую-то непонятную враждебность.

Он снова закрепил Гу Шаобая на спине, как накануне, и вытащил серебряный шнурок из-за пояса. Этот шнурок был его оружием, сделанным из скрученных серебряных нитей, прочным и лёгким.

На самом деле каменная площадка находилась недалеко от подножия обрыва. Му Цинфэн, используя серебряный шнурок, легко перепрыгивал с дерева на дерево вдоль скалы и вскоре оказался у северного подножия горы Феникс.

Примерно в десяти ли к востоку находился городок под названием «Ухуа», окружённый зелёными горами и омываемый чистыми водами — место с прекрасными пейзажами!

Му Цинфэн внёс бесчувственного Гу Шаобая в единственную в городе больницу «Зал Хэюэ». В больнице был только один врач — седовласый мужчина лет шестидесяти. Учитывая размеры городка и малое количество пациентов, он мирно дремал.

Му Цинфэн тихо постучал по столу. Врач поправил очки на носу и с трудом поднял веки.

— Вы на приём?

Му Цинфэн указал на человека у себя на спине:

— Осмотрите его.

Только тогда старик заметил, что за спиной у того был ещё один человек.

Старик провёл Му Цинфэна в заднюю комнату, велел положить Гу Шаобая на кушетку и сел, чтобы проверить пульс.

Спустя некоторое время, поглаживая бороду, он произнес:

— Зло скопилось в лёгких, холод сужает протоки, лёгкие не могут раскрыться, защитная энергия не согревает...

Му Цинфэн нетерпеливо перебил:

— Старейшина, скажите просто, что с ним?

Старик недовольно поднял веки.

— Простуда. Пропейте несколько лекарств, отдохните пару дней — и всё будет в порядке. — Затем он заметил что-то, повернул покрасневшее и посиневшее лицо Гу Шаобая и с гневом посмотрел на Му Цинфэна. — Он так болен, а вы его ещё и избили?

— Что? — Му Цинфэн хотел возразить, губы его беззвучно шевелились, но он промолчал. Ну ладно, пусть считает, что это я.

Старик выписал рецепт и позвал мальчика-помощника, чтобы тот собрал лекарства.

— Эти три приёма лекарств должны помочь. Берегите его, не давайте больному снова простудиться и продуваться, — недоверчиво предупредил старик.

Му Цинфэн поблагодарил его и привычным жестом полез в карман, но вдруг вспомнил, что все его деньги были оставлены на Гу Шаобае в качестве приманки, и теперь у него не было ни гроша.

Он обыскал Гу Шаобая, но тот оказался ещё беднее его.

Му Цинфэн смущённо улыбнулся:

— Старейшина, можно ли отсрочить плату за приём и лекарства?

Старик холодно ответил:

— Никаких отсрочек!

Му Цинфэн задумался: городок настолько мал, что неизвестно, есть ли здесь гостиница, а если и есть, то с пустыми карманами он всё равно не сможет там остановиться.

Он снова осмотрел больницу. Она была небольшой, но явно не бедной — вероятно, принадлежала семье с тремя дворами.

— Старейшина, — обратился Му Цинфэн к старику, — я вижу, что ваша больница немаленькая. Не могли бы вы позволить нам пожить здесь несколько дней? Мои друзья скоро приедут, и тогда я заплачу вдвойне. Как вам такое предложение?

Старик внимательно посмотрел на Му Цинфэна. С первого взгляда он понял, что этот человек, несмотря на простую одежду, обладает внушительной осанкой, красивым лицом, и в его движениях чувствуется скрытая сила, особенно в глазах, которые, даже будучи прикрытыми, иногда вспыхивали остротой.

Этот человек был необычен, таков был его вывод!

— Хорошо, — согласился старик и велел мальчику подготовить две комнаты.

Гу Шаобай всё ещё спал, и Му Цинфэну пришлось нести его на руках, следуя за мальчиком в задний двор.

По дороге Му Цинфэн, используя весь свой актёрский талант, вытянул из мальчика всю информацию о старике.

Оказалось, этого врача звали Ли Чжишань, и, как гласила его пословица, он был известным добряком в городке.

Услышав это, Му Цинфэн скривился:

— Ну да, добряк, который даже за осмотр денег не отпускает!

Мальчик сдержанно засмеялся, думая, что Му Цинфэн ведёт себя как ребёнок:

— Это учитель просто вас пугает. Если бы все были как вы, мы с учителем давно бы с голоду умерли!

К сожалению, добрые люди не всегда получают награду. Сын Ли Чжишаня был одним из злодеев городка Ухуа.

Он каким-то образом подружился с уездным чиновником Аньяна и получил должность старосты, после чего начал терроризировать местных жителей.

Его настоящее имя давно забыли, но так как его детское прозвище было «Большой Тигр», а его злодеяния соответствовали этому имени, все в городке звали его Ли Даху.

До того как стать старостой, он целыми днями бездельничал дома, и Ли Чжишань чуть не продал дом, чтобы содержать его. После получения должности он окончательно погрузился в разгульную жизнь.

Он не женился, а каждый день собирал группу хулиганов, чтобы ходить по домам и собирать дань, затем тратил деньги на пиры в Аньяне, а потом возвращался и продолжал грабить местных, наслаждаясь этим порочным кругом.

Единственной заботой о своём отце Ли Чжишане было освобождение его от уплаты дани. Отец и сын могли не видеться месяцами, а когда встречались, это всегда заканчивалось скандалом.

К счастью, у Ли Чжишаня было медицинское ремесло, иначе он бы давно умер с голоду. Хотя соседи и были недовольны, они боялись гнева Ли Даху и не решались высказываться.

Тем временем Гэ Чуньхуэй приказал братьям Сун обыскать крепость Феникса трижды, но ничего не нашёл. Вспомнив послание Ван Сыдао, принесённое Гуаньсинь, он почувствовал, как по спине побежал холодок.

Кто же этот наёмный убийца? У входа в крепость была усиленная охрана, и он не мог просто так пройти, не привлекая внимания.

Если только он не был уже внутри крепости.

В этот момент вбежал один из мелких бандитов, огляделся и, подойдя к Сун И, что-то прошептал ему на ухо.

Гэ Чуньхуэй сразу заподозрил неладное и недовольно спросил:

— В чём дело?

Сун И робко посмотрел на Суна Аня и не решился сразу ответить.

Сун Ань, видя выражение лица брата, сразу понял, что произошло, и его голос стал нервным:

— Брат, перед господином Гэ нечего скрывать, говори прямо...

<http://bllate.org/book/16730/1538672>